

© Перевод постановления был предоставлен «Правовой инициативой по России» (www.srji.org).
Перевод уже был опубликован в 2012 году на сайте этой организации
(<http://www.srji.org/resources/search/180/>). Разрешение на публикацию перевода было дано
исключительно для его включения в базу HUDOC Европейского Суда.

© This document was provided by the Stichting Russian Justice Initiative (www.srji.org/en/). This translation
was published in 2011 on the website of SRJI. Permission to re-publish this translation has been granted for
the sole purpose of its inclusion in the Court's database HUDOC.

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «УМАЕВЫ ПРОТИВ РОССИИ»

(Жалоба №47354/07)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

12 июня 2012 года

***ВСТУПИЛО В СИЛУ
22 октября 2012 года***

Текст может быть дополнительно отредактирован.

В деле «Умаевы против России»,

Европейский суд по правам человека (Первая секция), Палатой в следующем составе:

Нина Вайич, *Председатель*,

Анатолий Ковлер,

Элизабет Штейнер,

Ханлар Хаджиев,

Юлия Лаффранке,

Линос-Александр Сицилианос,

Эрик Моз, *судьи*,

и Серен Нильсен, *Секретарь Секции*,

Заседая 22 мая 2012 года за закрытыми дверями,

Вынес следующее постановление, принятое в последний вышеупомянутый день:

ПРОЦЕДУРА

1. Настоящее дело было инициировано жалобой (№47354/07) против Российской Федерации, поданной в Суд в соответствии со Статьей 34 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция») гражданами Российской Федерации Раисой Умаевой и Ахмедом Умаевым («заявители») 23 октября 2007 года.

2. Заявителей в Европейском суде представляли юристы «Правовой инициативы по России» (далее - "SRJI"), неправительственной организации с главным офисом в Нидерландах и представительством в России. Правительство Российской Федерации (далее - "Правительство") представлял г-н Г. Матюшкин, Представитель Российской Федерации в Европейском суде по правам человека.

3. Заявители утверждали, что их родственники были похищены, незаконно задержаны и убиты агентами Государства, что расследование по факту их исчезновения не было эффективным и что они испытали душевные страдания в связи с отсутствием эффективных средств защиты от заявленных нарушений.

4. 3 сентября 2009 года жалоба была коммуницирована Правительству. Также в соответствии со Статьей 29 § 3 Конвенции Суд постановил рассмотреть жалобу по существу одновременно с рассмотрением вопроса о ее приемлемости. В этот же день Суд принял решение согласно Правилу 41 Регламента Суда о разбирательстве данной жалобы в приоритетном порядке.

5. Правительство возразило против рассмотрения существа дела одновременно с рассмотрением вопроса о приемлемости и против применения Правила 41 Регламента Суда. Рассмотрев возражение Правительства, Суд отклонил его.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

6. Заявители являются супружеской парой, родились в 1960 году и 1957 году соответственно и проживают в селе Пригородное, Чеченская Республика.

7. Заявители являются родителями Виджи Умаева, 1982 года рождения. Первая заявительница приходится сестрой Тимуру Межидову, 1972 года рождения, который приходится зятем второму заявителю.

А. Исчезновение Виджи Умаева и Тимура Межидова

1. Позиция заявителей

8. Описание событий основано на информации, представленной в жалобе и письменных показаниях первого и второго заявителей от 17 и 23 июля 2007 года соответственно.

(а) Похищение Виджи Умаева и Тимура Межидова

9. 14 июля 2006 года первая заявительница, Виджа Умаев и Тимур Межидов ехали на машине заявителей ВАЗ-2107 из села Нихалой в село Пригородное.

10. На контрольно-пропускном пункте федеральных сил, расположенном у въезда в село Шатой (в дальнейшем - «КПП Шатой»), российские военнослужащие остановили автомобиль заявителей для проверки. На КПП первая заявительница увидела группу из семи-восьми военнослужащих чеченской национальности, которые стояли у серебристо-серого четырехдверного автомобиля марки «Нива» и говорили друг с другом по-чеченски. Первая заявительница наблюдала за ними некоторое время и смогла запомнить их лица. Она особо отметила, что военнослужащие на КПП, которые проверяли паспорта, были русскими, а те, кто стоял около автомобиля «Нива», были чеченцами. После проверки документов Виджи Умаева и Тимура Межидова русские военнослужащие записали соответствующую информацию в регистрационный журнал КПП и разрешили им двигаться дальше.

11. Первая заявительница, Виджа Умаев и Тимур Межидов затем проехали Шатойский район и пересекли границу с Грозненским районом. На мосту в непосредственной близости от въезда в село Яраш-Марды они увидели трех военнослужащих-чеченцев из группы, которую они уже видели на КПП Шатой. Военнослужащие ехали за автомобилем заявителей и приказали им остановиться. Один из военнослужащих по-чеченски приказал водителю и всем пассажирам выйти из автомобиля. Виджа Умаев, Тимур Межидов и первая заявительница выполнили приказ и вышли из машины. Один из военнослужащих приказал Видже Умаеву и Тимуру Межидову вернуться в автомобиль. Они послушались и сели на заднее

сидение. В то же время двое военнослужащих сели к ним на заднем сиденье, а третий военнослужащий сел на место водителя и автомобиль тронулся. Виджа Умаев крикнул по-чеченски: "Это моя мама! Не оставляйте ее!" Первая заявительница бросилась к машине. Но автомобиль не остановился и сбил первую заявительницу, которая ударилась о перила моста и упала на землю.

12. После этого заявители не видели Виджу Умаева и Тимура Межидова.

(b) Розыски заявителями пропавших родственников

13. 14 июля 2006 года вскоре после того, как машина с похитителями уехала, первая заявительница остановила частный автомобиль и добралась до дома. Там она рассказала второму заявителю о похищении, и заявители немедленно отправились в Шатой, чтобы сообщить в Шатойский РОВД об этом инциденте.

14. По дороге, примерно в 2,5 км от моста, на котором ранее первая заявительница, ее сын и брат были остановлены чеченскими военнослужащими, заявители увидели их автомобиль ВАЗ-2107. Он стоял в пятидесяти метрах от дороги, рядом с блиндажом, в котором находились два русских военнослужащих. По утверждению заявителей, в этот день группы военнослужащих российских вооруженных сил располагались вдоль дороги на Шатой примерно в 200 метрах друг от друга. Заявители увидели, что три двери их автомобиля ВАЗ-2107 были открыты и фары включены. Мобильный телефон Виджи Умаева был в автомобиле. Первая заявительница спросила военнослужащих, как их автомобиль оказался около блиндажа. Они ответили, что сначала приехал этот автомобиль, а затем четырехдверный серебристо-серый автомобиль «Нива». Двух человек вывели из машины ВАЗ-2107 и посадили в серебристо-серую «Ниву», которая затем уехала в направлении села Дуба-Юрт.

15. После этого заявители забрали мобильный телефон Виджи Умаева и поехали в РОВД. Оттуда второй заявитель, начальник РОВД, которого заявители звали по имени Саид-Ахмед, и несколько сотрудников милиции отправились на КПП Шатой. Первая заявительница осталась в РОВД и подала письменную жалобу о похищении ее сына и брата.

16. В тот же день по прибытии на КПП Шатой второй заявитель и Саид-Ахмед поговорили со старшим офицером КПП, который служил в военной комендатуре Шатойского района. Он подтвердил, что военные на КПП проверили документы Виджи Умаева и Тимура Межидова, и сказал, что все было в порядке и что двое мужчин прошли через КПП и уехали. В это же время первая заявительница также прибыла на КПП. Пока второй заявитель говорил с офицером, на КПП приехал автомобиль марки УАЗ с двумя военнослужащими-чеченцами. Первая заявительница узнала их как членов группы военнослужащих, которых она видела на КПП Шатой в то время, когда дежурные проверяли документы ее родственников. Заявители сразу же спросили этих военнослужащих, где другие участники их группы и куда они увезли Виджу Умаева и Тимура Межидова. Оба рассмеялись и ответили, что они не задерживали Виджу Умаева и Тимура Межидова. Они

также заявили, что они не знали военнослужащих, которые были на КПП Шатой вместе с ними. По словам заявителей, начальник РОВД сказал, что эти двое военнослужащих-чеченцев были из батальона «Восток», входившего в Главное разведывательное управление ("ГРУ") Генерального штаба Российской армии, и что они называются "ямадаевцы" по имени своего командира Сулима Ямадаева. Затем заявители вернулись домой.

17. 15 июля 2006 года заявители вновь пожаловались в различные государственные органы в связи с похищением Виджи Умаева и Тимура Межидова. Они не сохранили копии этих жалоб.

18. 17 или 18 июля 2006 года г-н И.А., сотрудник ГРУ, посетил заявителей и сказал, что со вторым заявителем хочет встретиться и поговорить г-н Р., полковник ГРУ и командир «921-го полка».

19. 23 июля 2006 года заявители и г-н И.А. поехали в расположение российских федеральных сил в село Борзой, Чечня. Второй заявитель оставил свой автомобиль там, где находились первая заявительница и г-н И.А. На подходе к военной базе он встретил двух российских военнослужащих, один из них был в звании прапорщика, а другой - капитан. Они проводили второго заявителя на контрольно-пропускной пункт, где его ждал г-н Р.

20. Г-н Р. подтвердил, что сын заявителей содержался на военной базе, и сказал, что если его тронуть рукой, то он "открывает глаза, но потом их закатывает". Г-н Р. попросил второго заявителя написать записку своему сыну, чтобы тот стал отвечать на их вопросы. Второй заявитель спросил г-на Р., какие именно показания они хотят получить от его сына, но ответа не получил. Второй заявитель затем передал г-ну Р. медицинские справки, подтверждающие инвалидность сына. Г-н Р. посмотрел на них, и по его реакции второй заявитель сделал вывод, что г-н Р. осознал, что его военнослужащие избили серьезно больного человека. Второй заявитель сказал г-ну Р., что он не будет писать записки для его сына, и попросил освободить его. Г-н Р. ответил, что "в таком случае они не договорились", и приказал военным проводить второго заявителя к выходу, что они и сделали. Второй заявитель вернулся в машину и уехал вместе с первой заявительницей.

21. В неустановленный день в октябре 2006 года первой заявительнице позвонили на ее мобильный телефон, и она услышала, как человек прошептал: "Мама, мама!" А потом вдруг разговор был прерван. Первая заявительница решила, что это был Виджа Умаев, и так как номер телефона определился, то она сразу же перезвонила. Какая-то женщина ответила ей на русском языке и сразу же повесила трубку. Когда первая заявительница набрала номер снова, то мужской голос сказал ей, чтобы она не звонила больше по этому номеру. Первая заявительница сообщила правоохранительным органам об этом звонке. По утверждению заявителей, в тот момент единственным оператором сотовой связи, предоставляющим услуги мобильной связи в Чеченской Республике, был «Мегафон». Цифры 923 указывали, что номер, с которого она получила вызов, не был номером компании «Мегафон», а принадлежал другой компании. По мнению заявителей, только российские военнослужащие имели номера телефонов

других операторов сотовой связи, кроме «Мегафона».

22. В неустановленный день в ноябре 2006 года г-н И.А. посетил заявителей снова и предложил им информацию о Видже Умаеве и Тимуре Межидове в обмен на 50 000 российских рублей (RUB). Через два дня второй заявитель встретился с г-ном И.А. в Пригородном, и тот сказал ему, что Виджи Умаева и Тимура Межидова больше нет в живых. Г-н И.А. обещал второму заявителю, что их тела будут доставлены, и ушел.

23. Через два дня второй заявитель и его родственник отправились в село Борзой встретиться с г-ном И.А. Он сказал второму заявителю, что в Борзом есть три братские могилы, но он не знал, в которой из них захоронены Виджа Умаев и Тимур Межидов. Он также уточнил, что их тела были в разных «могильниках», и что они "были застрелены чеченцами в присутствии русских". Он отметил, однако, что не был свидетелем расстрела.

24. В неустановленный день второй заявитель обратился к знакомому российскому генералу российской армии и рассказал ему о г-не Р. В ответ генерал сказал заявителю, что впервые слышит такое имя, и, вероятно, оно вымышленное.

2. Информация, представленная Правительством

25. Правительство заявило, что 14 июля 2006 года на трассе Грозный – Шатой около моста у села Ярыш-Марды три неустановленных человека в камуфляжной форме, вооруженные автоматическим оружием, остановили автомобиль, в котором ехали Виджа Умаев и Тимур Межидов, после чего последние исчезли.

В. Официальное расследование

1. Позиция заявителей

26. Похоже, что после жалобы заявителей на похищении их родственников в РОВД было проведено расследование в связи с этим. Делу был присвоен номер 81. Точная дата начала расследования неизвестна.

27. 25 июля 2006 года в прокуратуре Грозненского района («районная прокуратура») получили материалы дела из РОВД.

28. В тот же день районная прокуратура возбудила уголовное дело по факту похищения Виджи Умаева и Тимура Межидова по статье 126 ч.2 Уголовного кодекса (похищение при отягчающих обстоятельствах). Делу был присвоен номер 54063. В постановлении говорилось, что около 16 часов 14 июля 2006 года на мосту возле села Ярыш-Марды, трое неизвестных вооруженных лиц в камуфляжной форме остановили автомобиль ВАЗ-2107, на котором ехали Виджа Умаев, Тимур Межидов и первая заявительница, и увезли Виджу Умаева и Тимура Межидова в неизвестном направлении.

29. В письме от 26 июля 2006 года прокуратура Чеченской Республики («прокуратура республики») сообщила первой заявительнице, что ее жалоба на похищение Виджи Умаева и Тимура Межидова рассмотрена и что 25 июля 2006 года районной прокуратурой было возбуждено уголовное дело по

факту похищения ее сына и брата.

30. 20 сентября 2006 года первая заявительница была признана потерпевшей по уголовному делу №54063. Она была проинформирована об этом постановлении 21 сентября 2006 года.

31. 28 мая 2007 года первая заявительница обратилась к Президенту Чеченской Республики. Она подробно описала обстоятельства похищения ее родных, попытки разыскать их и попросила о помощи в ее поисках.

32. 15 июня 2007 года прокуратура республики ответила на обращение первой заявительницы, что 25 июля 2006 года районной прокуратурой было возбуждено уголовное дело в связи с похищением ее родственников. В письме также говорилось, что 25 октября 2006 года расследование по делу №54063 было приостановлено в связи с неустановлением виновных.

33. 17 июля 2007 года первая заявительница написала в районную прокуратуру запрос о получении информации о ходе расследования по уголовному делу №54063. Она попросила возобновить судопроизводство по делу, если оно было приостановлено, и предоставить ей доступ к материалам уголовного дела, а также разрешить сделать копии с документов. По всей видимости, на этот запрос заявительницы ответа не последовало.

34. В письме от 22 июня 2007 года из районной прокуратуры сообщили, что 22 июля 2007 года расследование по уголовному делу №54063 было возобновлено.

35. По утверждению заявителей, в октябре 2007 года в районной прокуратуре им устно сообщили, что в неустановленный день расследование по делу №54063 было вновь приостановлено.

2. Информация, предоставленная Правительством

(а) Отказ Правительства представить копии материалов уголовного дела

36. Несмотря на специальные запросы Суда, Правительство отказалось предоставить материалы уголовного дела, возбужденного в отношении похищения родственников заявителей, ссылаясь на Статью 161 УПК РФ.

(b) Информация, касающаяся хода расследования похищения родственников заявителей

37. Информация о ходе расследования, предоставленная Правительством, может быть коротко изложена следующим образом.

38. 25 июля 2006 года районная прокуратура возбудила уголовное дело по факту похищения Виджи Умаева и Тимура Межидова по статье 126 ч. 2 УК (похищение при отягчающих обстоятельствах). Делу был присвоен номер 54063.

39. 25 октября 2006 года расследование было приостановлено в связи с неустановлением виновных.

40. 22 июня 2007 года следствие было возобновлено, так как следственными органами было установлено, что военнослужащий Р.Д. войсковой части №44822 был причастен к похищению.

41. 21 июля 2007 года г-н Р.Д был объявлен в розыск.

42. 6 июня 2008 года расследование по факту похищения родственников заявителей было передано в Следственный комитет при прокуратуре РФ в Чеченской Республике (далее - "Следственный комитет").

43. 8 июля 2008 года Следственный комитет вынес постановление о привлечении г-на Р.Д. в качестве обвиняемого в похищении родственников заявителей, и уголовное дело было передано по подследственности в военное Следственное управление по ОГВ(с) по проведению контртеррористических операций в Северо-Кавказском регионе (далее - "следственное управление"). Делу был присвоен номер 34/00/0023-08.

44. По всей видимости, вскоре расследование было приостановлено еще раз и затем возобновлено 11 ноября 2009 года.

45. По утверждению Правительства, расследование по делу №34/00/0023-08 продолжается.

(с) Результаты расследования

46. Правительство заявило, что результаты предварительного расследования подтвердили версию событий, как она была представлена заявителями.

47. Согласно Правительству, в ходе предварительного расследования было установлено, что г-н Р.Д. служил в войсковой части 44822 в батальоне специального назначения «Восток» (ранее - стрелковый батальон) с 10 августа 2004 года. В середине июля 2006 года г-н Р.Д. был в сговоре с двумя неустановленными лицами с целью похищения Виджи Умаева и Тимура Межидова. 14 июля 2006 года, получив информацию о пути следования Виджи Умаева и Тимура Межидова, г-н Р.Д., вооруженный автоматическим оружием, организовал засаду на трассе Грозный-Шатой возле дороги на Ярыш-Марды с целью задержания и похищения. Около 16 часов в тот же день г-н Р.Д. остановил автомобиль ВА3-2107 с Виджой Умаевым и Тимуром Межидовым, после чего "г-н Р.Д. и два других вооруженных человека в камуфляжной форме арестовали их и увезли в неизвестном направлении", оставив первую заявительницу на дороге.

48. По утверждению Правительства, описание этих событий было подтверждено первой заявительницей, которая была допрошена и признана потерпевшей, и вторым заявителем, который также был допрошен в качестве свидетеля. Заявители также сообщили следователям, что после похищения они узнали от г-на И.А., что их родственники после похищения содержались на военной базе в селе Борзой и затем были казнены.

49. Первая заявительница подтвердила эти показания в ходе проверки ее утверждений на месте совершения преступления, и она опознала по фотографии г-на Р.Д. как человека, который похитил ее сына и брата.

50. Г-н И.А., допрошенный в неустановленный день, заявил, что он узнал о похищении Виджи Умаева и Тимура Межидова от г-жи М.З. Второй заявитель связался с г-ном И.А. через шесть месяцев после похищения и попросил его организовать встречу с командованием военной базы, после чего они встретились с военнослужащим по имени Володя, который просил 50 000 рублей за информацию о сыне заявителей, а потом сообщил, что родственники заявителей были убиты.

(d) Информация по уголовному делу № 68800

51. В неустановленный день следственные органы возбудили уголовное дело против г-на Р.Д. в связи с нанесением тяжкого вреда здоровью третьего лица, в которого он стрелял на рынке в селе Борзой 23 мая 2007 года. Делу был присвоен номер 68800.

52. 18 октября 2008 года дело № 68800 было передано по подследственности в неустановленное Следственное управление какой-то войсковой части.

53. 22 января 2009 года производство по уголовному делу № 68800 было объединено с уголовным делом о похищении родственников заявителей, и новому делу был присвоен номер 34/36/0092-08.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

54. Смотрите обобщенное изложение соответствующих документов в постановлении по делу *Akhmadova and Sadulayeva v. Russia* (№. 40464/02, § 67-69, 10 мая 2007).

ПРАВО

I. ВОЗРАЖЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА ОТНОСИТЕЛЬНО НЕИСЧЕРПАНИЯ ВНУТРЕННИХ СРЕДСТВ ЗАЩИТЫ

A. Доводы сторон

55. Правительство утверждало, что жалоба должна быть признана неприемлемой, так как не исчерпаны средства внутригосударственной защиты. Оно указало, что расследование по факту исчезновения Виджи Умаева и Тимура Межидова еще не закончено. Кроме того, оно утверждало, что первая заявительница была признана потерпевшей по делу и могла активно участвовать в следственных мероприятиях. Более того, заявители могли пожаловаться в вышестоящие прокуратуры или суды, оспаривая действия или бездействие следственных органов, или подать гражданский иск о компенсации ущерба, но они не воспользовались этими средствами.

56. Заявители оспорили это возражение. Они утверждали, что уголовное расследование по делу оказалось неэффективным, и, более того, его эффективность была подорвана уже на самых ранних стадиях расследования. Ссылаясь на практику Суда, они заявили, что не обязаны были в таком случае возбуждать гражданское судопроизводство в порядке исчерпания средств защиты.

B. Оценка Суда

57. Суду предстоит оценить приведенные сторонами аргументы в свете положений Конвенции и имеющейся судебной практики (см. дело *Estamirov and Others v. Russia*, № 60272/00, §§ 73-74, 12 октября 2006).

58. Суд отмечает, что в российской правовой системе у жертвы неправомерных и противозаконных действий государства и его представителей в принципе имеются два пути восстановления нарушенных прав, а именно гражданское и уголовное судопроизводство.

59. Что касается гражданского иска о возмещении ущерба, нанесенного незаконными действиями или противоправным поведением представителей государства, Суд уже постановил в ряде аналогичных случаев, что такой иск не является решением вопроса об эффективных средствах правовой защиты в контексте жалобы на нарушение Статьи 2 Конвенции (см. дело *Khashiyev and Akayeva v. Russia*, №57942/00 и 57945/00, §§ 119-121, 24 февраля 2005, и *Estamirov and Others*, цит. выше, § 77). В свете вышесказанного Суд подтверждает, что заявители не были обязаны подавать гражданский иск. Возражение Правительства в связи с этим отклоняется.

60. В отношении уголовного судопроизводства, предусмотренного российским законодательством, Суд отмечает, что заявители немедленно уведомили правоохранительные органы о похищении их родственников и что внутреннее расследование ведется с 25 июля 2006 года. Заявители и Правительство оспаривают вопрос эффективности уголовного расследования по факту исчезновения.

61. Суд считает, что предварительное возражение Правительства поднимает вопросы, касающиеся эффективности расследования, которые тесно связаны с существом жалобы заявителей. Таким образом, он решает объединить рассмотрение этого возражения с оценкой дела по существу дела и считает, что проблема должна быть рассмотрена далее.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 2 КОНВЕНЦИИ

62. Заявители жаловались по Статье 2 Конвенции, что их родственники были лишены жизни российскими военнослужащими и что государственные органы не провели эффективного расследования в связи с этим. Статья 2 Конвенции гласит:

“1. Право каждого лица на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание.

2. Лишение жизни не рассматривается как нарушение настоящей статьи, когда оно является результатом абсолютно необходимого применения силы:

- (a) для защиты любого лица от противоправного насилия;
- (b) для осуществления законного задержания или предотвращения побега лица, заключенного под стражу на законных основаниях;
- (c) для подавления, в соответствии с законом, бунта или мятежа”.

А. Доводы сторон

1. Правительство

63. Правительство утверждало, что в ходе внутреннего расследования не были получены доказательства, что власти проводили какую-либо спецоперацию в отношении задержания Виджи Умаева и Тимура Межидова. Согласно Правительству, г-н Р.Д. похитил Виджу Умаева и Тимура Межидова «по личным или, возможно, корыстным соображениям». Тела родственников заявителей не были найдены, и нет никаких оснований считать, что они были убиты.

64. В отношении расследования Правительство заявило, что следователи провели большое количество следственных действий, и до тех пор, пока местонахождение г-на Р.Д. остается неизвестным, соответствующие органы объявили его в розыск и активно разыскивали его и сообщников. Тот факт, что шаги, предпринятые следователями, не дали никаких результатов, не означал сам по себе, что действия следственных органов были недостаточными, поскольку у заявителей нет абсолютного права требовать привлечения к уголовной ответственности и осуждения виновных.

2. Заявители

65. Заявители утверждали, что, вне разумных сомнений, их родственники были похищены и убиты сотрудниками Государства. Они подчеркнули, что внутренним расследованием было установлено, что г-н Р.Д., который похитил их родственников, принадлежал к военнослужащим Государства и что первая заявительница опознала в нем одного из похитителей. Кроме того, они утверждали, что в то время только агенты Государства могли носить униформу, оружие и беспрепятственно парковать свои автомобили на блокпостах. Кроме того, похитители оставили свой автомобиль у блиндажа, где находились два русских военнослужащих. Со ссылкой на заявление г-на И.А., который ссылался на сведения военнослужащего с базы, где содержались Виджа Умаев и Тимур Межидов и где они были убиты, заявители утверждали, что их родственники должны считаться умершими. Они также утверждали, что заявление Правительства о том, что г-н Р.Д. мог похитить их родственников с целью выкупа, являлось неубедительным, и предложили Суду сделать соответствующие выводы из отказа Государства-ответчика представить какие-либо документы из материалов уголовного дела о похищении.

66. В отношении расследования заявители указали, что следователи не установили и не допросили военнослужащих блокпоста, сотрудника базы по имени Володя или двух пособников г-на Р.Д. Они обращают внимание на то, что причастность г-на Р.Д. к преступлению была установлена 22 июня 2007 года, но он был объявлен в розыск только 21 июля 2007 года, и официальное постановление о привлечении его в качестве обвиняемого в преступлении было вынесено спустя несколько лет. Также заявители не получали никакой информации о ходе расследования, кроме постановлений о приостановлении и возобновления следствия.

В. Оценка Суда

1. Приемлемость

67. Суд считает в свете представленных сторонами аргументов, что жалоба затрагивает серьезные вопросы факта и права, подпадающие под действие Конвенции, для решения которых необходимо рассмотрение жалобы по существу. Кроме того, Суд уже отмечал, что возражение Правительства в части предполагаемого неисчерпания внутригосударственных средств защиты следует рассматривать совместно с рассмотрением существа жалобы (см. пункт 61 выше). Поэтому жалоба на нарушение Статьи 2 Конвенции должна быть признана приемлемой.

2. Существо дела

(а) Предполагаемое нарушение материальной части Статьи 2

68. Суд отмечает прежде всего, что Правительство не оспаривало никакие утверждения заявителей, относительно фактов похищения и последующих событий, но утверждало, что военнослужащий Р.Д., которого местные власти обвинили в совершении преступления, мог похитить родственников заявителей "из личных или корыстных соображений". Заявители оспорили это утверждение. Соответственно Суд должен сначала оценить, было ли предполагаемое нарушение Статьи 2 Конвенции совершено по вине Государства.

(i) Может ли предполагаемое нарушение права на жизнь Виджи Умаева и Тимура и Межидова быть отнесено на счет Государства

(а) Общие принципы

69. Суд повторяет, что в свете важности той защиты, которую гарантирует Статья 2, он должен подвергать все случаи лишения жизни особенно тщательному изучению, учитывая не только действия агентов Государства, но и сопутствующие обстоятельства. Задержанные лица находятся в уязвимом положении, и обязанность властей держать ответ за обращение с задержанным должна исполняться с особой строгостью в случае смерти или исчезновения такого лица (см., помимо прочего, дело *Orhan v. Turkey*, №. 25656/94, § 326, 18 июня 2002). Когда информация об оспариваемых событиях целиком или главным образом относится к исключительному ведению Государства, как в случае пребывания задержанного лица под контролем властей, возникают основания для определенных предположений относительно причин телесных повреждений или смерти, наступивших в период содержания под стражей. В таком случае можно считать, что бремя предоставления удовлетворительного и убедительного объяснения должно быть возложено на Государство (см. дело *Salman v. Turkey* [GC], no. 21986/93, § 100, ECHR 2000-VII, и дело *Çakıcı v. Turkey* [GC], no. 23657/94, § 85, ECHR 1999-IV).

70. Он также отметил, что по отношению к ситуации военной службы Суд уже неоднократно подчеркивал, что неконтролируемые и произвольные действия со стороны Государственных служащих являются

несовместимыми с эффективным соблюдением прав человека и что Государство должно обеспечить путем создания системы адекватных и эффективных мер защиты от произвола и злоупотребления силой, что его агенты должны осознавать пределы своих полномочий и что в своих действиях они должны руководствоваться не только буквой соответствующих профессиональных правил, но и заранее уделять внимание превосходству уважения к человеческой жизни как фундаментальной ценности (см., среди прочего, *Enukidze and Girgvliani v. Georgia*, no. 25091/07, § 284, 26 апреля 2011, далее со ссылками).

71. При оценке доказательств суд обычно применяет стандарт доказывания «вне разумного сомнения». Тем не менее такое доказательство может вытекать из совокупности достаточно сильных, ясных и согласованных выводов или аналогичных неопровержимых презумпций факта. Если исследуемое событие целиком или в большей части находится в исключительном ведении властей, как в случае, когда люди находились в содержании под стражей, обоснованно будут возникать предположения в отношении травм и смерти, произошедших во время такого содержания. В таком случае бремя доказывания будет возложено на власти, которые должны обеспечить удовлетворительное и убедительное объяснение (см *Varnava and Others v. Turkey* [GC], №№16064/90, 16065/90, 16066/90, 16068/90, 16069/90, 16070/90, 16071/90, 16072/90 и 16073/90, §§ 182-83, ECHR 2009).

72. Наконец, следует отметить, что Суд признает, что он должен быть осторожен в принятии на себя роли суда первой инстанции, действуя таким образом только в тех случаях, когда обстоятельства конкретного дела делают это неизбежным. Тем не менее, когда выдвигаются обвинения по статьям 2 и 3 Конвенции, Суд должен особенно тщательно рассматривать факты, даже если уже были осуществлены определенные внутригосударственные меры и следственные действия. Суд не связан выводами национальных судов, и убедительные элементы могут потребовать от него отойти от этих выводов или отклонить их (см., среди прочего, *Aktaş v. Turkey*, №24351/94, § 271, ECHR 2003-V (extracts), и, совсем недавно, *Giuliani and Gaggio v. Italy* [GC], no. 23458/02, § 180, 24 марта 2011).

(β) Применение данных принципов в настоящем деле

73. Суд отмечает, что, несмотря на его запрос предоставить копии материалов уголовного дела по факту похищения Виджи Умаева и Тимура Межидова, Правительство отказалось раскрыть какие-либо документы по делу, ссылаясь на Статью 161 УПК РФ. Суд отмечает, что в предыдущих делах он уже устанавливал, что это объяснение является недостаточным для объяснения удержания ключевой информации, запрошенной Судом (см. *Imakayeva v. Imakayeva v. Russia*, no. 7615/02, § 123, ECHR 2006-XIII (extracts)). Суд не находит оснований отходить от этих выводов и в данном случае и полагает, что он может сделать соответствующий вывод из поведения Правительства (*Mikheyev v. Russia*, no. 77617/01, § 105, 26 January 2006).

74. Как уже отмечалось выше, Правительство не оспаривало никакие утверждения заявителей относительно фактов и обстоятельств похищения и последующих событий, но утверждало, что г-н Р.Д. мог похитить родственников заявителей "из корыстных соображений". Другими словами, они отрицали, что исчезновение Виджи Умаева и Тимура Межидова было связано с Государством. Тем не менее после тщательного изучения аргументов и материалов, предоставленных сторонами, Суд не убедили доводы Правительства, по следующим причинам.

75. Он отмечает, в первую очередь, что утверждение Правительства о том, что родственники заявителей могли быть похищены "по корыстным соображениям", очень неопределенно и, кроме того, не подтверждается никакими доказательствами. Из-за отказа Правительства предоставить какие-либо документы из материалов уголовного дела Суд лишен возможности не только понять, что именно подразумевалось Правительством под "корыстными соображениями", но и оценить, что именно было сделано для изучения этого на каком-либо из этапов внутреннего расследования.

76. Кроме того, Суд считает, что ряд дополнительных элементов серьезно подрывает доводы Правительства. В частности, Правительство признает, что в рассматриваемое время г-н Р.Д. был военнослужащим специального батальона российских войск и, значит, являлся сотрудником Государства. Кроме того, в заявлении о том, что похитители, в том числе г-н Р.Д., были одеты в камуфляжную форму и вооружены автоматическим оружием, ничто не предполагает, что это было неслужебное оружие. И следует отметить, что похитители не только остановили автомобиль заявителей в дневное время, отдавая приказы пассажирам (см. пункт 11 выше), но и открыто доставили родственников заявителей на их автомобиле «Нива» до блиндажа российских федеральных сил, то есть на место, находившееся под контролем Государства (см. пункт 14 выше). Для Суда также имеет большое значение, что следователи в своих постановлениях, как сообщило Правительство, однозначно указали, что г-н Р.Д. и его сообщники "арестовали" родственников заявителей (см. пункт 47 выше).

77. Суд также не может упустить из виду, что первая заявительница, а также Виджа Умаев и Тимур Межидов уже видели этих военнослужащих на КПП Шатой ранее и предположили, что они были агентами Государства при исполнении служебных обязанностей (см. пункт 10 выше) и что, в итоге, когда заявители вернулись на КПП Шатой пункте после похищения, они нашли там военнослужащих из этой же группы (см. пункт 16 выше).

78. Кроме того, как следует из замечаний Правительства, утверждения заявителей о содержании их родственников под стражей на военной базе после похищения были подтверждены г-ном И.А., сотрудником Государства, а именно офицером ГРУ, в ходе допроса следственными органами (см. пункт 50 выше). Правительство не оспаривало ни точность его заявлений, ни тот факт, что г-н И.А. являлся сотрудником ГРУ.

79. Учитывая вышеназванные элементы и ссылаясь на отказ Правительства предоставить какие-либо документы из материалов уголовного дела, Суд считает установленным, что Виджа Умаев и Тимур

Межидов были похищены 14 июля 2006 года сотрудниками Государства и что, вопреки утверждениям Правительства, ответственность за их исчезновение должна быть возложена на Государство.

(ii) Могут ли родственники заявителей считаться умершими

80. Суд далее рассмотрит утверждения заявителей о том, что их родственники должны считаться умершими после их похищения.

81. В связи с этим они обращают внимание на то, что нет никаких новостей о Видже Умаеве и Тимуре Межидове с момента их похищения. Их имена не значатся ни в каких официальных списках лиц, содержащихся в заключении. И, наконец, Правительство не представило никаких объяснений относительно того, что случилось с ними после ареста.

SEQ "level0" *Arabic 82. Принимая во внимание дела об исчезновениях людей на территории Чечни, рассмотренные Судом ранее (см. среди прочего, дело *Bazorkina*, цит. выше; дело *Imakayeva*, цит. выше; дело *Luhuyev and Others v. Russia*, no. 69480/01, ECHR 2006-XIII (extracts); дело *Baysayeva v. Russia*, no. 74237/01, 5 апреля 2007 года; дело *Akhmadova and Sadulayeva v. Russia*, цит. выше; и дело *Alikhadzhiyeva v. Russia*, no. 68007/01, 5 июля 2007 года и, совсем недавнее, *Beksultanova v. Russia*, no. 31564/07, 27 сентября 2011), Суд заключает, что в условиях конфликта в Чеченской Республике если кого-то задерживают неустановленные военнослужащие, а затем факт задержания не признается, то это можно рассматривать как угрожающую жизни ситуацию. На этих основаниях и принимая во внимание обстоятельства дела и, среди прочего, события, последующие за похищением, заявление г-на И.А. о том, что Виджа Умаев и Тимур Межидов были убиты (см. пункт 50 выше), а также отсутствие каких-либо сведений о них более пяти лет, Суд считает, что имеющиеся доказательства позволяют установить, что Виджа Умаев и Тимур Межидов должны считаться умершими после непризнаваемого задержания сотрудниками Государства.

iii. Обязательство Государства по Статье 2

82. Судом уже установлено, что родственники заявителей должны считаться умершими, находясь в руках представителей Государства, и что ответственность за их смерть должна быть возложена на Государство. В отсутствие какого-либо оправдания применения средств поражающей силы агентами Государства Суд находит нарушение Статьи 2 Конвенции в отношении Виджи Умаева и Тимура Межидова.

(b) Предполагаемая неадекватность расследования похищения

(i) Общие принципы

83. Суд неоднократно указывал, что обязательство защищать право на жизнь, согласно Статье 2 Конвенции, предусмотренное в связи с общим обязательством государства, согласно Статье 1 Конвенции «обеспечить всем в пределах своей юрисдикции права и свободы, определенные в

Конвенции», требует, в порядке презумпции, проведения эффективного официального расследования в тех случаях, когда люди были убиты в результате применения силы (см. *McCann and Others, cited above*, § 161, *Kaya v. Turkey*, 19 февраля 1998, § 86, *Reports of Judgments and Decisions 1998-I*). Существенной целью такого расследования является обеспечение эффективной имплементации национального законодательства, защищающего право на жизнь, и по делам, связанным с участием представителей государства или государственных органов, привлечение их к ответственности за смерти, за которые они должны нести ответственность. Такое расследование должно быть независимым, открытым для доступа семье пострадавшего, выполняться в разумные сроки и быстро, эффективным в том смысле, что оно способно принять решение, было ли применение силы в данном случае оправдано или нет при таких обстоятельствах или же оно было незаконным, и предоставлять достаточную часть для открытого рассмотрения следствия или его результатов (см. *Hugh Jordan v. the United Kingdom*, №24746/94, §§ 105-09, ECHR 2001-III, и *Douglas-Williams v. the United Kingdom (решение)*, № 56413/00, 8 января 2002).

(ii) Применение данных принципов в настоящем деле

84. Суд повторяет, что Правительство отказалось раскрыть все материалы дела из уголовного дела о похищении родственников заявителей. Поэтому Суд будет оценивать вопрос эффективности расследования по той незначительной информации, которая была предоставлена Правительством, и по нескольким документам, поданным в Суд заявителями.

85. Возвращаясь к обстоятельствам данного дела, Суд отмечает, что заявители немедленно уведомили власти о похищении Виджи Умаева и Тимура Межидова 14 июля 2006 года, то есть в день совершения преступления. Однако расследование по делу было возбуждено только 25 июля 2006 года, то есть спустя одиннадцать дней. По мнению Суда, эта задержка, которой не было дано объяснений, не только указывает на отсутствие быстрой реакции со стороны властей, но и должна была с самого начала подорвать веру в способность расследования получить соответствующие доказательства.

86. Далее Суд должен оценить объем проведенных следственных мероприятий. В связи с этим он отмечает, что, по мнению Правительства, после начала расследования следственные органы допросили первую заявительницу и г-на И.А., провели осмотр места преступления и объявили г-на Р.Д. в розыск. Суд отмечает, что в отсутствие подтверждающих документов он не только лишен возможности оценить своевременность большинства предпринятых следственных действий, но и не может установить, были ли они вообще проведены (см, например, *Isayev and Others v. Russia*, № 43368/04, § 145, 21 июня 2011).

87. Что касается включения имени г-на Р.Д. в список разыскиваемых лиц, то это было единственное следственное действие, предполагаемая дата принятия которого была указана Правительством, и Суд отмечает, что оно было предпринято только через месяц после того, как следователи

установили причастность г-на Р.Д. к похищению. В отсутствие объяснений Суд считает, что эта задержка не может считаться приемлемой. Кроме того, в связи с отказом Правительства раскрыть материалы уголовного дела, Суд не только лишен возможности оценить, какие конкретные меры были предприняты властями для установления местонахождения г-на Р.Д., но и не может установить, были ли они вообще проведены

88. Кроме того, выясняется, что ряд важнейших следственных действий не был проведен совсем.

89. В связи с этим Суд отмечает, что нет никаких признаков того, что следственные органы предприняли какие-либо действия, чтобы установить двух сообщников г-на Р.Д., а также других военнослужащих из той группы, которая стояла около автомобиля «Нива» на КПП Шатой, хотя, как следует из замечаний сторон, первая заявительница смогла запомнить их лица, и были убедительные доказательства того, что они служили в батальоне «Восток» (см. пункты 10 и 11 выше). Кроме того, нет никаких оснований предполагать, что были предприняты какие-либо попытки установить и допросить тех военнослужащих, которые дежурили на КПП Шатой, и тех, кто располагался в блиндаже, где похитители оставили автомобиль заявителей. Также поражает тот факт, что следователи не сочли необходимым осмотреть автомобиль заявителей с целью найти, например, отпечатки пальцев похитителей, тем более что первая заявительница утверждала, что один из них был за рулем автомобиля. Наконец, несмотря на информацию, что родственники заявителей содержались на установленной военной базе, ничто не указывает на то, что какие-то шаги были предприняты для проверки этой информации.

90. Хотя Суд соглашается с Правительством в том, что обязательство расследовать касается не результата, а использованных средств (см., например, *Makaratzis v. Greece* [GC], №. 50385/99, § 74, ЕСПЧ 2004 XI), но он считает, что указанное выше бездействие вызывает серьезные сомнения в связи с подлинной решимостью властей установить преступников и привлечь виновных к ответственности.

91. Суд также отмечает, что, хотя первая заявительница была признана потерпевшей через два месяца после возбуждения уголовного дела, ничто не указывает на то, что власти когда-либо выносили постановление и признании потерпевшим второго заявителя. Более того, принимая во внимание то, что запросы заявителей к властям оставались без ответа (см. пункт 33 выше), Суд имеет основания сомневаться в том, что следственные органы обеспечили требуемый уровень общественного контроля над ходом расследования и защиту законных интересов ближайших родственников (см. *Oğur v. Turkey* [GC], no. 21594/93, § 92, ECHR 1999-III).

92. Что касается возражения Правительства относительно объединения рассмотрения вопроса приемлемости с рассмотрением жалобы, которая связана с фактом длящегося уголовного расследования, то Суд отмечает, что расследование по уголовному делу периодически приостанавливалось и возобновлялось, содержало ряд неоправданных задержек и велось в течение многих лет без значимых результатов. Более того, из-за времени, прошедшего после обжалуемых событий, некоторые следственные действия,

которые должны были быть проведены гораздо раньше, проводить было уже бессмысленно. Как было отмечено Судом ранее, имеются серьезные сомнения в том, что при таком ходе расследования были перспективы найти преступников и установить судьбу Виджи Умаева и Тимура Межидова.

93. Кроме того, принимая во внимание оставшиеся без ответа запросы заявителей на доступ к материалам уголовного дела и информации о ходе расследования (см. пункт 33 выше), Суд не убежден, что в отсутствие такого доступа и не будучи информированными надлежащим образом о ходе расследования, в том числе об основных решениях по делу, заявители могли бы эффективно оспорить действия или бездействие следственных органов в судах или вышестоящих прокуратурах. В отношении жалоб в вышестоящие прокуратуры Суд также напоминает, что он постоянно отказывался рассматривать чрезвычайные или исключительные средства защиты как средства, которые должны быть исчерпаны заявителями в целях соблюдения требований по Статье 35 § 1 Конвенции (см., среди прочего, *Trubnikov v. Russia* (dec.), no. 9790/99, 14 October 2003; *Belevitskiy v. Russia*, no. 72967/01, § 59, 1 March 2007; и сравнительно недавнее, *Isayeva and Others v. Russia*, nos. 57947/00, 57948/00 and 57949/00, § 90, 24 February 2005). По этим же причинам Суд не принимает довод Правительства относительно факта признания первой заявительницы потерпевшей по делу. Таким образом, он сомневается в том, что указанные средства имели бы какой-то шанс на успех.

94. Поэтому Суд считает, что упомянутые Правительством средства защиты были неэффективными при таких обстоятельствах, и отклоняет предварительное возражение Правительства о неисчерпании заявителями внутригосударственных средств защиты в рамках уголовного судопроизводства.

95. В свете вышесказанного Суд находит, что власти не провели эффективного уголовного расследования обстоятельств похищения и последующего убийства Виджи Умаева и Тимура Межидова в нарушение процессуальной части Статьи 2. Следовательно, в связи с этим имеет место нарушение Статьи 2.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

96. Заявители жаловались по Статье 3 Конвенции, что в результате похищения и исчезновения их родственников и отказа властей провести добросовестное расследование этого происшествия они испытали душевные страдания и стресс в нарушение Статьи 3 Конвенции. Статья 3 гласит:

“Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному и унижающему достоинство обращению или наказанию”.

A. Доводы сторон

97. Правительство не согласилось с этими заявлениями и указало, что следствием не установлено, что заявители подверглись бесчеловечному или жестокому обращению, запрещенному Статьей 3 Конвенции.

98. Заявители настаивали на своих жалобах.

В. Оценка Суда

1 Приемлемость

99. Суд отмечает, что настоящая жалоба по Статье 3 не представляется явно необоснованной в значении Статьи 35 § 3 (а) Конвенции. Суд далее отмечает, что жалоба не является неприемлемой по каким-либо другим основаниям. Поэтому ее следует считать приемлемой.

2. Существо дела

100. Суд уже находил во многих случаях, что в ситуации насильственного исчезновения близкие родственники могут быть признаны жертвами нарушения Статьи 3 Конвенции. Суть подобных нарушений заключается не столько в самом факте "исчезновения" члена семьи, но в большей степени в том, какова реакция и позиция властей в момент, когда данная ситуация доводится до их сведения (см. *Orhan* и *Imakayeva*, оба дела цит. выше, § 358 и § 164 соответственно).

101. В настоящем деле Суд указывает на то, что заявители приходится родителями Видже Умаеву и сестрой и зятем Тимуру Межидову. Более пяти лет заявители не получали никаких известий о сыне и брате. В этот период они письменно и в устной форме обращались в правоохранительные органы по поводу похищения Виджи Умаева и Тимура Межидова. Несмотря на их усилия, они так и не получили от властей никакого приемлемого объяснения или информации о том, что случилось с их родственниками после похищения. В полученных ответах по большей части отрицалась ответственность Государства за задержание или просто сообщалось, что следствие по делу продолжается. Непосредственное отношение к вышесказанному имеют выводы Суда относительно процессуальной части Статьи 2.

102. Из этого Суд делает вывод, что имеет место нарушение Статьи 3 Конвенции в отношении заявителей.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

103. Заявители также утверждали, что Виджа Умаев и Тимур Межидов были задержаны в нарушение гарантий по Статье 5 Конвенции, которая в соответствующих частях гласит:

“1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:...

(с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;

...

2. Каждому арестованному незамедлительно сообщаются на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявляемое ему обвинение.

3. Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом (с) пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд.

4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным.

5. Каждый, кто стал жертвой ареста или заключения под стражу в нарушение положений настоящей статьи, имеет право на компенсацию”.

А. Доводы сторон

104. Правительство подчеркнуло, что у следствия нет данных, которые подтверждали бы, что родственники заявителей были лишены свободы сотрудниками Государства и содержались в государственных учреждениях. Их имена не значились в списках лиц, содержащихся под стражей, и никакие правоохранительные органы не имеют информации об их похищении.

105. Заявители настаивали на своей жалобе.

В. Оценка Суда

1. Приемлемость

106. Суд отмечает, что настоящая жалоба не представляется явно необоснованной в значении Статьи 35 § 3 (а) Конвенции. Далее Суд отмечает, что жалоба не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям, а потому должна быть признана приемлемой.

2. Существо дела

107. Суд ранее уже указывал на фундаментальную важность гарантий Статьи 5 для обеспечения права любого лица в демократическом государстве не подвергаться произвольному задержанию. Также Суд отмечал, что неизвестное задержание лица является полным отрицанием названных гарантий и серьезнейшим нарушением Статьи 5 (см. дело *Çiçek v. Turkey*, №25704/94, §164, 27 февраля 2001, и дело *Luluyev*, цит. выше, §122).

108. Судом установлено, что Виджа Умаев и Тимур Межидов были задержаны представителями Государства 14 июля 2006 года и с тех пор пропали без вести. Задержание родственников заявителей не было санкционировано, не было зафиксировано в записях каких-либо изоляторов временного содержания, и, следовательно, невозможно официально проследить их дальнейшую судьбу. В соответствии с практикой Суда сам по себе этот факт должен рассматриваться как серьезное упущение, поскольку позволяет ответственным за акт лишения свободы скрыть свою

причастность к преступлению и уйти от ответа за судьбу задержанного. Кроме того, отсутствие записей о задержании с указанием даты, времени и места задержания, фамилии задержанного, а также причин задержания и фамилии лица, производившего задержание, следует считать несовместимым с самой целью Статьи 5 Конвенции (см. дело *Orhan*, цит. выше, § 371).

109. Суд далее считает, что власти должны были осознавать необходимость более тщательного и незамедлительного расследования жалоб заявителей на то, что их родственников задержали и куда-то увезли при угрожающих жизни обстоятельствах. Однако приведенные выше рассуждения и выводы Суда в связи со Статьей 2, в частности, касающиеся характера ведения следствия, не оставляют сомнений в том, что власти не приняли незамедлительных и эффективных мер по защите родственников заявителей от риска исчезновения.

110. Исходя из этого, Суд считает, что Виджа Умаев и Тимур Межидов были подвергнуты непризнаваемому задержанию без соблюдения каких бы то ни было гарантий по Статье 5. Это является особенно серьезным нарушением права на свободу и безопасность, гарантированного Статьей 5 Конвенции.

V. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

111. Заявители жаловались, что они были лишены эффективных средств защиты в отношении вышеупомянутых нарушений, что противоречит Статье 13 Конвенции, которая гласит:

"Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве".

A. Доводы сторон

112. Правительство утверждало, что в распоряжении заявителей имелись эффективные средства правовой защиты, как этого требует Статья 13 Конвенции, и что власти не препятствовали их праву воспользоваться такими средствами. Заявители имели возможность обжаловать действия или бездействия следственных органов в суде, а также подать иск в порядке гражданского судопроизводства. В целом Правительство утверждало, что не было нарушения Статьи 13.

113. Заявители повторили свою жалобу.

B. Оценка Суда

1. Приемлемость

114. Суд отмечает, что настоящая жалоба не представляется явно необоснованной в значении Статьи 35 § 3(a) Конвенции. Суд далее отмечает, что жалоба не является неприемлемой по каким-либо другим

основаниям. Поэтому ее следует считать приемлемой.

2. Существо дела

115. Суд повторяет, что в подобных обстоятельствах если уголовное расследование по факту исчезновения было неэффективным, то это делает неэффективными все другие средства защиты, в том числе гражданско-правовые средства, предложенные Правительством. Следовательно, имеет место несоблюдение Государством обязательства по Статье 13 Конвенции (см. дело *Khashiyev and Akayeva*, №57942/00 и №57945/00, § 183).

116. Следовательно, имеет место нарушение Статьи 13 Конвенции в связи со Статьей 2 Конвенции.

117. Что касается ссылок заявителей на нарушение Статей 3 и 5 Конвенции, Суд считает, что при данных обстоятельствах нет оснований отдельно рассматривать вопрос о нарушении Статьи 13 в связи со Статьями 3 и 5 Конвенции (см. дело *Kukayev v. Russia*, no. 29361/02, § 119, 15 ноября 2007, и дело *Aziyevy v. Russia*, no. 77626/01, § 118, 20 марта 2008).

VI. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

118. Статья 41 Конвенции устанавливает:

"Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне".

A. Компенсация ущерба

119. Заявители не сделали никаких требований относительно возмещения материального ущерба. Они потребовали 150,000 евро (EUR) в качестве компенсации морального вреда за страдания, которым они подверглись в результате исчезновения их сына и брата, а также безразличия, проявленного властями в отношении них, и непредоставления им никакой информации о судьбе пропавших

120. Правительство указало, что требования заявителей завышены.

121. Суд признал нарушение Статей 2, 5 и 13 Конвенции в связи с непризнаваемым задержанием и исчезновением родственников заявителей. Сами заявители были признаны жертвами нарушений по Статье 3 Конвенции. Суд признает, что заявителям был причинен моральный ущерб, который не может быть компенсирован одним лишь фактом признания нарушений прав. Принимая во внимание то, что заявители приходятся родителями Видже Умаеву и сестрой и зятем Тимуру Межидову, Суд присуждает им совместно 120,000 евро (EUR) в качестве компенсации морального ущерба плюс любые налоги, подлежащие уплате с этой суммы.

B. Требование заявителей относительно расследования

122. Заявители также требовали по делу об исчезновении их

родственников "провести независимое расследование, которое бы соответствовало требованиям Конвенции". Они утверждали, что в ситуации насильственного исчезновения необходимо обязать Государство установить, что именно произошло с жертвой, и привлечь виновных к ответственности, также они утверждали, что Государство-ответчик постоянно не соблюдает это обязательство.

123. Правительство не сделало никаких замечаний в отношении этого требования заявителей.

124. Суд отмечает, что в аналогичных обстоятельствах, он решил, что будет наиболее целесообразным оставить за Государством-ответчиком право выбирать средства, которые будут использованы в рамках национальной правовой системы для исполнения его юридических обязательств по Статье 46 Конвенции (см, среди прочего, *Umayeva v. Russia*, no. 1200/03, §§ 123-24, 4 декабря 2008; *Kukayev v. Russia*, цит. выше, §§ 131-34; *Lyanova and Aliyeva v. Russia*, №12713/02 and 28440/03, § 160, 2 октября 2008; *Medova v. Russia*, №25385/04, §§ 142-43, ECHR 2009 ... (выдержки); и *Mutsolgoва and Others v. Russia*, no. 2952/06, § 168, 1 апреля 2010). Суд не видит каких-либо исключительных обстоятельств, которые позволили бы ему сделать иное заключение по настоящему делу.

С. Издержки и расходы

125. Заявителей в Суде представляла организация SRJI. Сотрудники этой организации представили перечень понесенных издержек и расходов, включая исследования и интервью в Ингушетии и Москве по ставке 50 евро в час и составление юридических документов, представленных в Суд и в органы государственной власти, по ставке 50 евро в час для юристов SRJI и 150 евро в час для старших сотрудников SRJI. Общая сумма расходов, связанных с представлением юридических интересов заявителей, составила 4,566 евро.

126. Правительство указало на то, что оно имеет право возместить только те издержки и расходы, которые действительно были понесены заявителями и являлись разумными в отношении их суммы (см. *Skorobogatova v. Russia*, №33914/02, § 61, 1 декабря 2005).

127. Суду, во-первых, предстоит установить, действительно ли имели место расходы и издержки, указанные заявителями, и, во-вторых, являлись ли они необходимыми (см. *McCann*, цит. выше, §220).

128. Принимая во внимание представленные сведения и соглашения об оказании юридических услуг, Суд считает эти ставки разумными и отражающими фактические расходы, понесенные представителями заявителей.

129. Что касается вопроса о том, действительно ли эти расходы и издержки были необходимы. Суд отмечает, что данное дело было относительно сложным и требовало определенной исследовательской и подготовительной работы. Суд отмечает также, что дело включало небольшое количество доказательств в связи с отказом Правительства представить материалы уголовного дела.

130. Учитывая детализацию требований, поданных заявителями, и справедливость оснований, Суд присуждает им 4,566.86 евро за ведение дела плюс налоги и сборы, если они начисляются на данную сумму; они подлежат уплате на счет банка представителей в Нидерландах, указанный заявителями.

D. Выплата процентов

131. Суд считает, что сумма процентов должна рассчитываться на основе предельной процентной ставки Европейского центрального банка, к которой следует добавить три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ПРИЧИНАМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Постановляет* объединить возражения Правительства относительно неисчерпания уголовных средств защиты с рассмотрением дела по существу и отклоняет их;

2. *Объявляет* жалобу приемлемой;

3. *Постановляет*, что имеет место нарушение Статьи 2 Конвенции в отношении Виджи Умаева и Тимура Межидова;

4. *Постановляет*, что имеет место нарушение Статьи 2 Конвенции в части не проведения эффективного расследования обстоятельств, при которых исчезли Виджа Умаев и Тимур Межидов;

5. *Постановляет*, что имеет место нарушение статьи 3 Конвенции в отношении моральных страданий заявителей;

6. *Постановляет*, что имеет место нарушение Статьи 5 Конвенции в отношении Виджи Умаева и Тимура Межидова;

7. *Постановляет*, что имеет место нарушение Статьи 13 Конвенции в части предполагаемых нарушений Статьи 2 Конвенции;

8. *Постановляет*, что нет оснований поднимать вопрос по Статье 13 Конвенции в отношении заявленных нарушений по Статье 3 и 5 Конвенции;

9. *Постановляет*

(a) что Государство-ответчик должно в трехмесячный срок, начиная с даты, на которую решение Суда станет окончательным в соответствии со Статьей 44 § 2 Конвенции, выплатить следующие суммы:

i. 120,000 евро (сто двадцать тысяч евро) заявителям совместно в качестве компенсации морального ущерба плюс любые налоги, подлежащие уплате с этой суммы, конвертируемые в российские рубли по курсу на дату выплаты;

ii. 4,566.86 евро (четыре тысячи пятьсот шестьдесят шесть евро и восемьдесят шесть центов) в счет возмещения издержек и расходов, подлежащие уплате на счет банка представителей в Нидерландах, плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате заявителями;

(b) что со дня истечения вышеуказанных трех месяцев до даты оплаты

на означенные суммы будут начисляться простые проценты в размере предельной процентной ставки Европейского центрального банка на период неуплаты плюс три процентных пункта;

10. *Отклоняет* другие требования заявителей относительно справедливой компенсации.

Совершено на английском языке с направлением письменного уведомления 12 июня 2012 года в соответствии с Правилom 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Серен Нильсен, Секретарь Секции
Нина Вайич, Председатель

В соответствии со Статьей 45 § 2 Конвенции и правилом 74 § 2 Регламента Суда к настоящему постановлению прилагается особое мнение судьи Ковлера.

N.A.V.

S.N.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ КОВЛЕРА

Я разделяю все выводы суда, устанавливающие нарушения Статей 2, 3, 5 и 13 Конвенции. Но я вижу проблему в расчете компенсации за моральный ущерб, понесенный двумя заявителями.

Заявителями являются мать и отец первой жертвы, г-на Виджи Умаева, поэтому стандартная компенсация в 60000 евро (EUR) оправданна (см., среди прочих, дело *Abuyeva and Others v. Russia*, №27065/05, 2 декабря 2010, приложение). Что касается второго исчезнувшего лица - Тимура Межидова, то заявители приходится сестрой и зятем, и, согласно прецедентной практике Суда, компенсация за моральный ущерб может быть снижена. Автоматическая компенсация за "душу населения", независимо от степени родства, на мой взгляд, не является обоснованной в этом случае.